

Арзиева Е.Р.

**Вербальная репрезентация
концепта «будущее»
в «Чернобыльской молитве»
С. Алексиевич**

Статья посвящена анализу концепта «будущее» на материале произведения С. Алексиевич «Чернобыльская молитва». Автора данной статьи излагает результаты наблюдений над вербальным воплощением лексемы «будущее». В настоящей статье проводится параллель между будущим временем воображаемых перспектив и гипотетических допущений. На приведенном фактическом материале показана репрезентация анализируемого концепта в футуральной семантике языковых единиц. Автор исследуемого материала рассматривает вопросы терминологического характера, связанные с неоднозначностью категории времени, при этом указывает, что ряд ученых, таких, как: Н.Д. Арутюнова, В.В. Колесов, Н. Федорови др. относят будущее время к сфере ирреальных наклонений. Наглядный материал позволил автору статьи доказать то, что концепт «будущее» в произведении передается посредством глаголов будущего времени и реализуется в речевых актах: предсказании, предположении, угрозе. В заключение подчеркивается взаимосвязь темпоральных планов, составляющих определенное единство концептуального поля.

Ключевые слова: вербальная репрезентация, концепт «будущее», лексема, футуральная семантика, виртуальный мир, темпоральный характер, языковые единицы, имплицитность.

Arziyeva E.R.

**Verbal representation of concept
«the future» in «Chernobyl
prayer» S. Alexiyevich**

This article analyzes the concept of «future» on a material product Alexiyevich «Chernobyl Prayer». The author of this article presents the results of observations of verbal incarnation of tokens «future». This article draws a parallel between the future prospects of the time imagined and hypothetical assumptions. The figure shows a representation of factual data analyzed concept in future semantics of language units. An illustrative material allowed the author to prove that the concept of «the future» in the product is passed through the future tense of verbs and implemented in the speech acts: prediction, assuming, threat. In conclusion, it highlights the temporal relationship, constitute a certain unity of the conceptual field.

Key words: verbal representation, the concept of «future», token, future semantics, virtual world, temporal character, linguistic units, implicit.

Арзиева Е.Р.

**С. Алексиевичтің
«Чернобыльская молитва»
шығармасындағы «болашақ»
тұжырымының ауызша
репрезентациясы**

Мақала С. Алексиевичтің «Чернобыльская молитва» шығармасындағы «болашақ» тұжырымының анализіне арналған. Аталған мақала авторы «болашақ» лексемасының ауызша берілуін бақылау нәтижелерін ұсынады. Мақалада қиялдағы көріністің болашақ уақыты мен гипотетикалық жорамал арасында параллель жүргізіледі. Берілген іс жүзіндегі материал негізінде анализ жасалатын тұжырымның репрезентациясы тілдік бірліктердің футуралдық семантикасында көрсетіледі. Көрнекті материал мақала авторына шығармадағы «болашақ» тұжырымының келер шақ етістіктері арқылы берілетінін және сөйлеу актілерінде: болжамда, шамалауда, қатерде жүзеге асырылатынын дәлелдеуге мүмкіндік берді: Қорытындыда тұжырымдамалық өрістің белгілі бір бірлігін құрайтын темпоралдық жоспардың өзара байланысы атап өтіледі.

Түйін сөздер: ауызша репрезентация, «болашақ» тұжырымы, лексема, футуралдық семантика, темпоралдық сипат, тілдік бірліктер, виртуалдық әлем, имплициттілік.

докторант PhD I курса Казахского национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы, Казахстан,
e-mail: belong_to_dreams@mail.ru
Научный руководитель – д. ф. н. профессор Л.Т. Килевая

**ВЕРБАЛЬНАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
КОНЦЕПТА «БУДУЩЕЕ»
В «ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ
МОЛИТВЕ»
С. АЛЕКСИЕВИЧ**

«Чернобыльская молитва» С. Алексиевич – художественно документальное произведение, имеющее закономерный, связанный с его идеей подзаголовок «Хроника будущего» [1]. Он представляет собой словосочетание, совмещающее две на первый взгляд несовместимые в семантическом отношении лексемы *хроника* и *будущее*. Лексема *хроника* проецирует на план прошлого, поскольку ведущей ее семой является ориентация на достоверность прошлых событий. В данном же словосочетании с помощью лексемы *будущее* актуализируется план будущего. Не случайно, повествуя о прошлом, С. Алексиевич подчеркивает: «Не раз мне казалось, что я записываю будущее [1,2]. Несомненная значимость концепта «будущее», обозначенная в том числе и в приведенном высказывании писательницы, обуславливает актуальность исследования данного концепта. Одному из фрагментов проведенного анализа посвящена данная статья, целью которой является изложение результатов наблюдений над вербальным воплощением его роли в идейном замысле произведения.

Собранный материал свидетельствует о репрезентации анализируемого концепта в футуральной семантике языковых единиц. Семантическая категория футуральности, включающая целый спектр семантических составляющих, в качестве ядерного компонента содержит будущее время. И хотя статус данного грамматического значения в составе категории времени не находит единодушной интерпретации в трудах лингвистов, в большей части исследований последнего времени ученые признают его темпорально-модальный характер. В частности, на это указывает Н.Д. Арутюнова. Говоря о представленности будущего времени в «Русской грамматике -80», ученый указывает на отсутствие в ней акцента на специфику статуса будущего времени, которая «состоит в том, что будущее время глубоко модализировано» [2, 6]. Не случайно ряд ученых относят будущее время к сфере ирреальных наклонений, поскольку передаваемое им действие еще не осуществилось [3, 136]. Предполагаемая говорящим его реализация после момента речи обуславливает связь будущего времени с идеальным, виртуальным, следовательно, с модальностью действия.

Обоснованность темпорально-модального свойства будущего времени представлена в исследованиях В.В. Колесова. С опорой на труды Н. Федорова ученый отмечает ментальную характеристику русского человека – «жизнь по мечте» в соответствии с поставленной целью [4, 25]. На тот факт, что эта мечта может не осуществиться даже в дальней перспективе, указывает закрепившийся в русских социально-философских исследованиях термин «маниловщина» [5, 143].

В анализируемом произведении будущее время носит делокализованный характер. План будущего сопряжен с миром воображаемых перспектив и гипотетических допущений. Это передается путем использования форм будущего времени в наглядно-примерном значении. Частотность такого употребления даже в речи только одного рассказчика в произведении свидетельствует о будничности человека, оставшегося в местах, пораженных радиоактивными частицами. В наглядно-примерном значении глагола передается некая атемпоральности этого человека, например: (о коте Ваське) Без Васьки бы погибли... Мыс ним *поговорим, пообедаем* [1, 4]; (о бомжах) Вот они *напьются*, песни поют [1, 4]; Живу я и котик ... Милиция *посигналит*, мы с ним *обрадуемся* [1, 4]; Ночью *приснится* – кто-то позвал... Зайду на могилки. Мама там лежит... *Посижу* возле всех. *Повздыхаю* [1, 5].

В приведенных конструкциях глаголы будущего времени выражают значение, сопряженное с наречиями *постоянно, всегда*. В отдельных же случаях в наглядно-примерном значении они сопряжены с негативной перспективой: И дочка у меня есть, и сыны... А я никуда отсюда не хочу... дети *потерпят, потерпят и обидят* [1, 3].

Концепт «будущее» посредством глаголов будущего времени реализуется в рассматриваемом произведении в речевых актах: а) предсказание, например: Вы все *умрете*... надо уезжать... Эвакуироваться [1, 3]; б) предположение: Постучали солдаты: «Что, хозяйка, собралась?» Спрашиваю: «Силой *будете* мне руки и ноги *связывать*?» [1, 3]; в) угроза: А я *пригрозила*, который до меня *дотронется*, силу свою *покажет*, тот кием *получит* [1, 3]. В последнем из приведенных примеров глаголы будущего времени, как видно, передают гипотетическую семантику, что еще раз подчеркивает модальный характер этого грамматического значения.

Наблюдения над воплощением концепта «будущее» в «Чернобыльской молитве» свидетельствуют о предпочтительном употреблении в нем глаголов прошедшего и будущего време-

ни. Глаголы настоящего времени используются лишь спорадически. Интерес представляют глаголы в прошедшем времени, семантика которых направлена на будущее. Это относится к глаголу *ждать*, используемому в прошедшем времени в единой конструкции с глаголами будущего времени положительной коннотации: Сначала я людей *ждала*, думала – все *вернутся* [1, 2].

Примечательно, что будущее через прошлое передается в произведении также посредством сочетания в используемых конструкциях лексем, с одной стороны, соотносимых с планом прошлого, с другой – с планом будущего. Так, если лексема *воспоминание* проецирует на план прошлого, то лексема *догадка* связывается с планом будущего: Зачем тогда люди *вспоминают*? Чтобы восстановить истину? Справедливость? Освободиться и забыть? Понимаю, что они участники грандиозного события? Или ищут в *прошлом* защиты? И это притом, что *воспоминания* – хрупкая вещь, эфемерная, это не точные знания, а *догадка* человека о самом себе [1, 1].

Анализ данного фрагмента текста свидетельствует об актуализации прошлого, воплощаемого в том числе и в словосочетании *ищут в прошлом*, где лексема *прошлое* представляет собой субстантивированное прилагательное. Кроме того, лексема *догадка* представлена в данном контексте как интерпретация слова *воплощение*. Это свидетельствует о неразрывной связи двух взаимопересекающихся темпоральных планов: прошлым и будущим.

Примечательно, что данная взаимосвязь позволяет автору воплотить основную идею «Чернобыльской молитвы». Как известно, речевые акты, связанные с планом будущего, представляют собой законы, запреты, заповеди, предсказания, советы, предписания, заветы, ходатайства. На основании такого рода актов формируются нормы, которые должны соблюдаться человеком. Нарушение этих норм в прошлом (или настоящем, которое, несомненно, с течением времени трансформируется в прошлое) предполагает социальное наказание или возмездие судьбы. Поведенческие нормы человека несоотносимы с тем или иным временем, они атемпоральны. Неслучайно библейские заповеди, воплощающие эти нормы, представлены глаголами в форме повелительного наклонения *не укради, не убий, не лги* и т.д.

Концепт «будущее» в анализируемом произведении также, на наш взгляд, носит достаточно атемпоральный характер. Он репрезентируется не только в виде определенных языковых еди-

ниц, но и путем презентации плана содержания всего текста, передавая идейную основу произведения. Она заключается в предупреждении людей о том, что мир ждет катастрофа, если человек будет безответственно относиться к использованию атомной энергии. Это предупреждение, несомненно, на будущее. Но имплицитное представление плана прошлого очевидно, поскольку трагедия уже произошла.

Ответ на вопрос, как жить в будущем людям, по вине которых произошла авария, и не только им, а всем людям вообще, содержится, на наш взгляд, в названии произведения «Чернобыльская молитва» Ключевым словом в этом словосочетании является слово *молитва*. Единственным средством спасения от содеянного греха (чья-то невнимательность к агрегату, его техническому состоянию; безответственность) яв-

ляется покаяние в виде молитвы. Нетрудно заметить, что данные деяния как взаимосвязанные составляющие определенного единства также проецируют на два обозначенных выше темпоральных плана, что схематически выглядит следующим образом:

Таким образом, концепт «будущее» в «Чернобыльской молитве» С. Алексиевич является наиболее значимым компонентом реализуемого концептуального поля. Он репрезентируется как в отдельных языковых единицах плана выражения, так и в содержании всего текста произведения.

Литература

- 1 Алексиевич С. Чернобыльская молитва (хроника будущего). – 2-е издание. – М.: Издательский дом: Время, 2006. – 304 с.
- 2 Арутюнова Н.Д. Будущее в языке //Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее //Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.:Изд-во. «Индрик», 2011. – С.6-11.
- 3 Килевая Л.Т. Картина мира древних славян. Категория наклонения: Монография. – Алматы: АГУ им. Абая, 2002. – С.136-147.
- 4 Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
- 5 Вьюнов Ю.А. Русский народ: национальный характер и духовные ориентации //Методическое пособие к дистанционному курсу повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного: В 2-х частях: Часть II: Современная русская литература; Страноведение России //Под ред. Э.Г. Азимова. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С.127-163.

References

- 1 Aleksievich S. Chernobyl'skaja molitva (hronika budushhego). – 2-e izdanie. – M.: Izda-tel'skij dom: Vremja, 2006. – 304 s.
- 2 Arutjunova N.D. Budushhee v jazyke //Logicheskij analiz jazyka. Lingvofuturizm. Vzg-ljad jazyka v budushhee //Pod red. N.D. Arutjunovoj. – M.:Izd-vo. «Indrik», 2011. – S.6-11.
- 3 Kilevaja L.T. Kartina mira drevnih slavjan. Kategorija naklonenija: Monografija. – Almaty: AGU im. Abaja, 2002. – S.136-147.
- 4 Kolesov V.V. «Zhizn' proishodit ot slova...» – SPb.: Zlatoust, 1999. – 368 s.
- 5 V'junov Ju.A. Russkij narod: nacional'nyj harakter i duhovnye orientacii //Me-todicheskoe posobie k distancionnomu kursu povyshenija kvalifikacii prepodavatelej russkogo jazyka kak inostrannogo: V 2-h chastjah: Chast' II: Sovremennaja russkaja literatura; Stranovedenie Rossii //Pod red. Je.G. Azimova. – M.: MAKS Press, 2004. – S.127-163.